Г. В. Белякова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
(на материале словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных в современном русском языке)

В статье рассматриваются спорные вопросы теории словообразовательной категории. Результаты исследования внутренней организации словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных позволяют, по мнению автора, найти оптимальные пути устранения в современной дериватологии выявленных разночтений.

G. Belyakova

WORD-FORMATIVE CATEGORY AS A DERIVATOLOGICAL PROBLEM
(by the material of the word-formative category of suffixal locative nouns in modern Russian)

Moot points in the theory of a word-formative category are considered in the article. In the author's opinion, results of the research on the internal organisation of suffixal locative nouns' word-formative category make it possible to find optimum ways of eliminating the revealed different interpretations in modern derivatology.

1. Пространство как одна из фундаментальных категорий бытия всегда была в центре внимания ученых – представителей различных областей знания: философии, логики, физики, астрономии, языкознания, культурологии и др. При всем различии подходов есть общее понимание того, что понятие пространства весьма сложно, противоречиво и (в качестве объекта исследования) практически неисчерпаемо. В философии пространство понимается как форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах. В лингвистике общепризнанной является связь вербализации пространства с другой категорией существования языкового сознания – временем. Своеобразно связь пространственных и временных категорий проявляется в

словообразовании. Так, отмечая, что С. М. Толстая в своих работах «привела убедительные примеры из славянской мифологии, доказывающие, что время и пространство, будучи фундаментальными определителями бытия, задают исходные ориентации, на основе которых строится любая картина мира», Т. И. Вендина констатирует: «То, что пространство и время относятся к ценностным категориям русского языкового сознания, подтверждается и фактами словообразования, поскольку именно эти категории часто являются объектом словообразовательной детерминации, что уже само по себе свидетельствует об их значимости для носителей языка: эта значимость и является побуждающей способностью к словотворческим усилиям человека. При этом чрезвычайно существенным представляется и тот факт, что именно эти категории участвуют в номинативном освоении других семантических сфер языка, поскольку и пространство, и время (как доказала современная психология) постоянно пополняются множеством предметно обусловленных всеобъемлющих систем отношений. В культурной парадигме носителей языка пространство и время «одушевляются» человеческим присутствием»[1]. Причем видимыми и скрытыми пространственными координатами пронизана и наполнена не только лексика. Пространственные отношения образуют конструктивный остов различных подсистем языка, в частности словообразования.

В современном русском языке производные существительные со значением места образуются разными способами: суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, сложением, субстантивацией, при этом одним из наиболее востребованных является суффиксальное словопроизводство локативных существительных.

Суффиксальные локативы не были обделены вниманием русистов (Л. В. Алпеева, Р. Беленчикова, З. М. Волоцкая, Е. В. Красильникова, М. Ш. Мусатаева, Д. А. Осильбекова, Г. В. Рагульская, Б. Н. Яковлев и др.). Однако в изучении суффиксальных nomina loci в современном русском языке по сравнению с локативами, образованными другими способами, все еще остается открытой проблема, требующая исследования с позиций когнитивной дериватологии, в частности, с точки зрения словообразовательной категоризации познаваемой действительности.

Заметим, что понятие словообразовательной категории (СК) используется в русистике непоследовательно и даже противоречиво. И это при том, что к проблемам, связанным с СК, не оставались безучастными практически все ученые, которые в той или иной мере обращались к дериватологии. Самые ранние употребления термина *словообразовательная категория* находим в работах Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, А. А. Потебни, М. М. Покровского, В. В. Виноградова. Однако в их исследованиях этот термин используется неоднозначно. Большое внимание проблемам устройства словообразовательного типа и СК было уделено в монографии М. Докулила «Словообразование в чешском языке» («Tvořeni slov v češtině». – Praha, 1962).

В 70–80-е гг. XX в. наибольшее внимание дериватологи уделяли изучению словообразовательных типов, практически не вспоминая о СК: «В наше время внимание к СК ослаблено. Они принадлежат к числу незаслуженно забытых в теории словообразования... Показательно, что Грамматика-80 дает такие комплексные единицы системы словообразования, как тип, цепочка и гнездо, но не дает такой единицы, как словообразовательная категория»[2]; «Создается впечатление, что данное понятие нередко лишь декларируется, но не “работает”, т. е. не становится действительным атрибутом деривационного описания»[3]; «Последнее понятие [словообразовательной категории. – *Г. Б.*] в теории словообразования не только не занимает того первостепенного места, какое отводится грамматической категории в теории граммати-

ки, но и находится пока на периферийном положении по сравнению с такими единицами описания, как словообразовательный тип (модель), способ словообразования, словообразовательное гнездо. Высказывались даже сомнения в правомерности данного понятия»[4]. Словообразовательная категория отсутствует также в таких фундаментальных трудах по русской дериватологии, как «Словообразовательный словарь русского языка» (1990) и «Морфемно-орфографический словарь» (1996) А. Н. Тихонова. По мнению лингвиста, важнейшей единицей словообразовательной системы русского языка является СТ: «Синхронная система словообразования представляет собой совокупность всех существующих в современном русском языке СТ в их взаимодействии»[5].

Характерной чертой работ по русской дериватологии 90-х гг. XX – начала XXI в. является возрастание интереса к СК. Причины перехода от изучения СТ к исследованию организации более сложной единицы системы словообразования названы в работе Э. П. Кадькаловой: «Описание словообразовательных типов русского языка хотя и сыграло неоценимую роль в становлении и прогрессе дериватологии, тем не менее представляет собой описание однорядовое, по сути своей перечислительное и уже в силу только одного этого свойства неспособное исчерпывающе отразить внутреннюю организацию словообразовательной системы языка»[6].

2. В качестве дискуссионных в современной русской дериватологии рассматриваются следующие вопросы теории СК: вопрос о тождественности/нетождественности частеречной принадлежности производящей базы СК; вопрос об уровне обобщенности словообразовательного значения (СЗ), свойственного СК; вопрос о тождественности/нетождественности способа словообразования дериватов в рамках одной СК; вопрос об адекватности самого термина *словообразовательная категория* для обозначения совокупности словообразовательных типов на основе общности СЗ. Проанализируем данные проблемы с учетом результатов нашего исследования внутренней организации СК суффиксальных локативных существительных.

2.1. Прежде всего возникает вопрос о тождественности/нетождественности частеречной принадлежности производящей базы СК. По мнению одних ученых, в рамках одной СК следует рассматривать производные, образованные от слов одной части речи. Другие же считают подобные требования лишними. Так, в исследовании Д. А. Осильбековой представлен анализ СК отглагольных локативных существительных, объединяющей 22 СТ с деривационным значением ‘место для выполнения действия’[7], иными словами, по мнению автора, частеречная принадлежность производящих основ дериватов одной СК должна быть тождественной. Однако существует и другая точка зрения. В статье З. М. Волоцкой «Опыт описания одной словообразовательной категории (на материале производных названий места)» находим замечание о том, что самой крупной единицей является СК, в которую «входят производные различного морфологического и словообразовательного строения, но объединенные единым семантическим категориальным значением, которые присутствуют во всех производных, независимо от их конкретного лексического значения»[8]. Таким категориальным значением для производных названий места автор называет значение, «выражаемое словами ‘там, где’, например: *читальня* – ‘там, где читают’, *лесопильня* – ‘там, где пилят лес’, *зимовье* – ‘там, где зимуют’, *пожарище* – ‘там, где был пожар’, *шашлычная* – ‘там, где едят шашлыки’ и др.»[9]. Таким образом, в качестве производящих для дериватов одной СК могут использоваться не только слова разных частей речи, но и словосочетания.

Разделяя вторую точку зрения, допускаем отнесение к одной СК дериватов, представляющих собой факты альтернативных мотивировок, что позволяет рассматривать

все особенности словопроизводства существительных с тождественным СЗ. Анализ материалов нашей картотеки, включающей около 3500 суффиксальных дериватов с локативным значением, показал, что требование тождества частеречной принадлежности производящих в ряде случаев приводит к искусственному «разведению» по разным СК производных слов, вступающих со своими производящими в отношения многопроизводности либо в отношения расхождения формальной и смысловой производности, например: *гипноз* → *гипнотарий* и *гипнотизировать* → *гипнотарий*; *горох* → *гороховище* и *гороховый* → *гороховище*. (Заметим, что использование в качестве производящего не слова, а словосочетания, по нашему мнению, влечет за собой отнесение данного деривата к иной СК – см. 2.3.)

Для более детального анализа дериватов одной СК, как представляется, следует ввести понятие *формальной субкатегории,* базирующейся на тождестве частеречной принадлежности производящей базы. Так, например, внутри СК суффиксальных локативных существительных существуют три формальные субкатегории: 1) с производящей базой – основой имени существительного (*булавка* → *булавочница, чай* → *чайник*); 2) с производящей базой – основой имени прилагательного (*низкий* → *низина, высокий* → *высь*); 3) с производящей базой – основой глагола (*читать* → *читалка, убежать* → *убежище*). Суффиксальные nomina loci, находящиеся в отношениях полимотивированности либо в отношениях расхождения формальной и смысловой производности, могут относиться одновременно к двум формальным субкатегория.

2.2. Вопрос об уровне обобщенности СЗ, свойственного СК.

Словообразовательное значение в дериватологии понимается как «типизированное и семантически значимое отношение мотивирующих и мотивированных слов, это типизированное значение, которым отличаются все мотивированные слова данного словообразовательного типа [и, безусловно, СК. – *Г. Б.*] от своих мотивирующих»[10]. Заметим, что понятие СЗ в лингвистике является спорным: «...в современной дериватологии понятие “словообразовательное значение” получает довольно пеструю интерпретацию (от полного отрицания такового до придания ему самостоятельного статуса)»[11]. Наиболее важным для исследования одноструктурных единиц системы словообразования представляются замечания лингвиста о том, что СЗ «упорядочивает и классифицирует отражаемую в нем действительность» и «создает стереотипы семантических классификаций»[12]. Общепризнанным остается понимание того, что все производные обладают СЗ и что именно это отличает их от непроизводных слов. Бесспорными также, по мнению Е. А. Земской, являются следующие положения: «в семантике слова для словообразования важна не его лексическая конкретность, а то общее, что отражено в строении ряда слов, наделенных семантической общностью и имеющих общие формальные показатели в структуре», «словообразовательное значение устанавливается на основании семантического соотнесения ряда базовых и производных слов, характеризуемых общностью семантики и вычленяющих один и тот же словообразовательный формант», «то общее, что свойственно значению ряда производных слов, и отражено в их формальном строении, т.е. связано с семантикой форманта, является их словообразовательным значением», «СЗ обладают разной степенью абстрактности»[13]. В качестве дискуссионных рассматриваются следующие вопросы теории СЗ: «Какова процедура выделения СЗ? Сколько СЗ выделяется в языке? С какой степенью абстрактности следует выделять СЗ?»[14]. Уровень абстрактности СЗ может быть различен. В связи с этим выделяют обобщенное СЗ категории и частные СЗ субкатегорий. Последние являются «дальнейшими ветвлениями общих словообразовательных значений» и «иерархически подчиненны-

ми этому общему значению»[15]. Подобные частные СЗ используются для выделения семантических субкатегорий.

Анализ собранного фактического материала позволил выявить десять основных семантических субкатегорий внутри СК суффиксальных локативных существительных: 1) ‘там, где находится (находилось) то, что названо производящей основой’ (*хлеб → хлебница*); 2) ‘там, где живет тот, кто назван производящей основой’ (*пингвин → пингвинарий*); 3) ‘там, где работает тот, кто назван производящей основой’ (*столяр → столярка*); 4) ‘там, где изготовляют то, что названо производящей основой’ (*пасха → пасочница*); 5) ‘там, где растет растение, названное производящей основой’ (*роза → розарий*); 6) ‘там, где испытывают механизм, названный производящей основой’ (*трактор → трактородром*); 7) ‘там, где создан тип среды, названный производящей основой’ (*вода → вододром*); 8) ‘место, которое характеризуется признаком, названным производящей основой’ (*новый → новь*); 9) ‘там, где совершается действие, названное производящей основой’ (*лежать → лежбище*); 10) ‘там, где есть результат действия, названного производящей основой’ (*надрезать → надрез)*.

2.3. Вопрос о тождественности/нетождественности способа словообразования дериватов в рамках одной СК.

В ряде дериватологических работ производные, образованные разными способами, рассматриваются в рамках одной СК. Так, Е. А. Земская, заметив, что «в реальности производные, имеющие общее словообразовательное значение, но созданные разными способами, в русском языке встречаются редко»[16], отвечает положительно на вопрос о возможности рассмотрения в рамках одной СК подобных дериватов. По мнению З. М. Волоцкой, в одну СК «входят производные различного морфологического и словообразовательного строения, но объединенные единым семантическим категориальным значением, которые присутствуют во всех производных, независимо от их конкретного лексического значения»[17]. Подобную позицию занимает и Р. С. Манучарян: «...объем и значимость словообразовательной категории не должны ограничиваться рамками определенного способа словообразования. Словообразовательная категория идентифицирует, таким образом, ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения»[18]. Данная точка зрения вызывает у нас возражение. Полагаем, что так называемая «суженная» интерпретация СК, при которой к одной СК относятся производные, образованные одним способом словообразования, позволяет подвергнуть языковой материал более скрупулезному анализу, что, безусловно, способствует выявлению мельчайших особенностей строения словообразовательной системы русского языка. Трудно не согласиться с мнением Г. П. Нещименко и Ю. Ю. Гайдуковой, которые, признавая СК конвенциональным понятием, считают, что суженная интерпретация «предпочтительнее, поскольку она открывает больший оперативный простор для исследователя, делает описание более информативным, приближенным к языковой конкретике»[19].

Производные существительные с локативным значением (чистым, без присоединения иных СЗ) в современном русском языке могут быть образованы префиксальным, суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами. Объединение подобных дериватов в одну СК представляется нецелесообразным в связи со значительным различием механизмов словопроизводства дериватов при использовании предкорневых либо посткорневых словообразовательных аффиксов.

2.4. Вопрос об адекватности самого термина «словообразовательная категория» для обозначения совокупности словообразовательных типов на основе общности СЗ.

В исследовании «Вопросы теории словообразования» Г. С. Зенкова находим термин «дериватема», который используется линг-

вистом вместо термина «словообразовательная категория»: «В отличие от словообразовательного типа дериватема – понятие чисто реляционное. Дериватемы представляют собой идеализированные дифференциальные элементы, абстрагированные от физической субстанции одноразрядных словообразовательных типов по линии словообразовательного средства и соотносимые с функциональной нагрузкой в системе языка. Конкретный словообразовательный тип представляет собой реализацию дериватемы в той мере, в какой он содержит релевантные признаки дериватемы»[20].

Данную позицию поддерживает М. И. Задорожный, который, анализируя работы Е. А. Земской, Р. С. Манучаряна, И. С. Улуханова, В. Н. Немченко, посвященные проблемам СК, утверждает, что употребление термина «словообразовательная категория» в исследованиях указанных лингвистов «вряд ли можно признать приемлемым»[21]. Аргументы лингвиста таковы: 1) подобное употребление термина «противоречит сложившейся общенаучной и языковедческой традиции трактовки понятия, терминологизированного как категория, в соответствии с чем последнее должно иметь более широкий, обобщенный смысл, а именно как любое формально-семантическое соотношение единиц в словообразовательном плане вообще, реализующееся в самых различных частных проявлениях той или иной степени обобщенности (ср. с понятиями грамматической и лексикологической, или лексико-семантической, категории). Иначе говоря, в этом аспекте представляется более целесообразным рассматривать словообразовательную категорию как таксономическую сетку, набрасываемую на все множество формально-семантических соотношений соответствующих языковых единиц, а не как единственное из этих соотношений»; 2) «при наличии множества частных словообразовательных понятий в дериватологии (в современной, во всяком случае) до сих пор, как ни странно, отсутствует соответствующее “узаконенное” терминологизированное родовое понятие, в котором оно явно нуждается и которое фактически уже существует в готовом виде, но не используется по своему прямому назначению»[22].

Трудно согласиться с тем, что термин «дериватема» может использоваться для называния одноструктурной комплексной единицы. По нашему мнению, данный термин следует употреблять для наименования некой обобщенной единицы, конкретными представителями которой являются дериваты, например: дериватема «место действия» представлена в русском языке производными типа *хранилище, вход, издательство,* ср.: морфема *мороз* представлена морфами *мороз* (*морозный*), *мороз'* (*морозить*), *мораж* (*замораживать*), *морож* (*мороженое*).

Сложившаяся в дериватологии традиция использования термина «словообразовательная категория» представляется вполне оправданной. См.: категория языковая – «в широком смысле – любая группа элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства. <...> В зависимости от состава категоризуемого множества, характера категоризующего признака и отношения данного признака к классам разбиения выделяют различные типы категорий. <...> Если категоризующая сема получает формальное словообразовательное выражение, то категория называется словообразовательной, например, “имена деятеля” (***учи-тель, воз-чик, бег-ун***), “уменьшительные имена” (***дом-ик, дым-ок, блин-чик***)»[23].

Итак, в большинстве дериватологических исследований СК понимается либо как совокупность слов, имеющих общее СЗ, либо как одноструктурная комплексная единица словообразования, формирующаяся совокупностью СТ на основе общности СЗ. Однако, по нашему мнению, более корректно квалифицировать СК как формально-семантическую схему образования производных слов, принадлежащих к одной части речи, имеющих общее СЗ и об-

разованных одним и тем же способом словообразования. Понимаемая подобным образом СК соответствует складывающейся в современной русской дериватологии доктрине. СК занимает медиальное положение в иерархии одноструктурных комплексных единиц системы словообразования: она входит в более крупные единицы (гиперкатегория, суперкатегория) и в то же время в ее структуре выделяются более мелкие единицы (формальные и семантические субкатегории, словообразовательные типы).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вендина Т. И.* Пространство и время как параметры дискретизации макрокосма / Т. И. Вендина // Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой. – М.: Индрик, 1999. – С. 136.

[2] *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская; Ин-т рус. яз. РАН. – М.: Наука, 1992. – С. 27.

[3] *Нещименко Г. П.* К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования / Г. П. Нещименко, Ю. Ю. Гайдукова // Теоретические и методические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – М.: Наука, 1994. – С. 96.

[4] *Манучарян Р. С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках: Учеб. пособие для филол. фак-тов вузов / Р. С. Манучарян. – Ереван: Луйс, 1981. – С. 195.

[5] *Тихонов А. Н.* Русская морфемика / А. Н. Тихонов // А. Н. Тихонов Морфемно-орфографический словарь русского языка. Русская морфемика. – М.: Школа-Пресс, 1996. – С. 699.

[6] *Кадькалова Э. П.* Развитие отношений между словообразовательными моделями одной семантико-словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения / Э. П. Кадькалова // Исследования по историческому словообразованию: Сб. научн. докладов // ИРЯ РАН. – М., 1994. – С. 62.

[7] *Осильбекова Д. А.* Семантическая структура отглагольных локативных существительных / Д. А. Осильбекова // Актуальные проблемы русского словообразования; Отв. ред. А. Н. Тихонов. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – С. 97.

[8] *Волоцкая З. М.* Опыт описания одной словообразовательной категории (на материале производных наименований места) / З. М. Волоцкая // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1975. – С. 351.

[9] Там же.

[10] *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – С. 243.

[11] Там же. С. 241.

[12] Там же. С. 243.

[13] *Земская Е. А.* Указ. соч. С. 27–28.

[14] Там же. С. 27.

[15] *Кубрякова Е. С.* О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа / Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 227.

[16] *Земская Е. А.* Указ. соч. С. 25–26.

[17] *Волоцкая З. М.* Указ. соч. С. 351.

[18] *Манучарян Р. С.* Указ соч. С. 197.

[19] *Нещименко Г. П.* Указ. соч. С. 96.

[20] *Зенков Г. С.* Вопросы теории словообразования / Г. С. Зенков. – Фрунзе: Киргизский гос. ун-т, 1969. – С. 100.

[21] *Задорожный М. И.* Словообразовательная категория как родовое понятие / М. И. Задорожный // Актуальные проблемы русского словообразования. – Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та им. И. А. Бунина, 2001. – С. 162.

[22] Там же.

[23] Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 215–216.